

Жители Понивилля уже давно привыкли к тому, что в их городе постоянно происходят всякие странности. Стоит отметить, что большинство понивилльцев вряд ли вспомнят хоть один вторник, в который не случалась бы какая-нибудь дичь. И потому, когда Лира Хартстрингс прошла по улицам города в сопровождении четвёрки стражников, это зрелище привлекло далеко не так много внимания, как если бы это произошло в любой другой день недели. Двое сопровождавших её людей непременно вызвали бы панику в любом другом уголке страны, однако благодаря строго секретным, а потому известным каждому местному жителю подвигам Меткоискателей и их друзей, понивилльцы уже давно привыкли периодически сталкиваться с существами, которые раньше считались бы мифическими. А уж красные мантии, надетые на человек, казались просто услугой для глаз в сравнении с тем розовым ужасом производства Дискорда.

Наблюдатель повнимательнее мог бы заметить, что из гривы и хвоста Леры то тут, то там выбивались торчащие в разные стороны прядки. Что, собственно, и не было удивительным, учитывая, что это утро стало самым загруженным и занятым в её жизни. Правда, термин «утро» здесь был весьма условным: прибывшая прямо посреди ночи сова от принцессы Луны до смерти перепугала Бон-Бон. Что ещё хуже, послание, принесённое птицей, гласило, что предстоящий день станет для Леры крайне неприятным.

Новость, которую она узнала из письма, оказалась худшей из худших. Людской агент под прикрытием собрал доказательства совершения самого тяжкого преступления из всех возможных. Лира не сомневалась, что оно спровоцирует жуткий межмировой скандал, а уж о возможных его последствиях мятная единорожка и вовсе боялась думать, каждый раз вздрагивая, когда невольно пыталась представить себе масштабы компенсации, которую затребует людское правительство.

Лира вся извелась и едва не довела себя до язвы, дожидаясь ответа от британских властей. К немалому её удивлению, люди выразили ей официальную благодарность за предложение о сотрудничестве и подчеркнули ценность отношений между двумя правительствами. Судя по их ответу, продажа пары-тройки десятков жеребцов для них — всего лишь досадная неприятность по сравнению с обнаруженной огромной дырой в системах безопасности человеческих тюрем. Люди сообщили, что им потребуется установить на объектах стационарные магические устройства, которые будут создавать антиаппарационные барьеры. Кроме того, похищенные заключённые теперь официально признавались изгнанниками. Тем не менее правительство Британии заявило прямо, что охотно заберёт «изгнанников» назад, если те станут доставлять пони проблемы.

Однако с пропавшим жеребчиком ситуация оказалась кардинально иной. Людское правительство настаивало на том, чтобы в Эквестрию отправились их сотрудники из органов опеки, дабы убедиться в здоровье и благополучии ребёнка. Также они чётко прояснили, что мальчик не является преступником, а потому пони будут грозить большие неприятности, если инспекторы обнаружат хотя бы малейшие признаки того, что мальчиком пренебрегают, содержат в неприемлемых условиях или, упаси Селестия, и вовсе подвергают насилию.

У Леры до сих пор в голове не укладывалось: как пони-будь может так спокойно и даже безразлично относиться к столь ужасным преступлениям в отношении жеребцов? И хоть единорожка испытала немалое облегчение, узнав, что на Эквестрию не повесили всех древолков за этот инцидент, она всё ещё была немало потрясена как фактом произошедшего,

так и отношением к нему людского руководства. Единственным, что удержало Лиру от язвительной тирады по поводу столь пренебрежительного отношения к жеребцам, было то, что она оказалась единственной кобылой в комнате.

Едва Лира покончила с делами в Нью-Скотленд-Ярде, как перед ней возникла Букля с письмом от мэра Понивилля по поводу появления беглянки из волшебного мира. Это потребовало спешного посещения штаб-квартиры ДМП, где единорожке поведали, что Имоджен Ли совершила преступления, с лихвой перекрывающие то, что совершили все сбежавшие жеребцы вместе взятые. После того как она передала информацию принцессе Селестии, та прислала Лире инструкции, как ей следует поступить в этой ситуации. К моменту, когда она вернулась в Эквестрию с парой авроров, её уже ждали королевские гвардейцы. И теперь мятной единорожке предстояло выполнить следующий полученный ею приказ.

Остановившись на секунду перед дверью, чтобы собраться с мыслями, Лира решительно постучала.

— Минуточку! — раздался изнутри голос Кэррот Топ. — О, привет, Лира, — сказала светло-золотистая земная пони, распахнув дверь. — Что-то случилось? — спросила она, оглядывая следующую за единорожкой компанию.

— Здравствуй, Кэррот, — ответила Лира. — Имоджен Ли дома?

— Она только что вернулась из спа, — настороженно сказала земная пони. — Если надо, я могу её позвать.

— Будь так любезна, — попросила мятная единорожка, краем глаза отмечая, как один из людей обходит дом.

— Ты собираешься её арестовать? — спросила Кэррот Топ.

Лира тяжело вздохнула.

— Кэррот, прошу тебя, просто приведи её. Это очень серьёзно.

— Я это и так уже поняла, увидев пришедшую с тобой стражу, — печально выдохнула жёлтая земная пони, делая шаг назад. — Барнаби Ли будет просто раздавлен, если снова её потеряет.

— Сделаю всё возможное, чтобы этого избежать, — ответила Лира обнадёживающим (по крайней мере, она на это надеялась) тоном. — Он вам не рассказывал, за что её... изолировали?

— Нет, — призналась Кэррот Топ. — За что-то плохое?

— Очень, — кивнула единорожка.

Кэррот несколько секунд молча постояла в раздумьях.

— Заходите, — наконец сказала она, разворачиваясь.

— Благодарю, — мягко отозвалась Лира. — Как бы то ни было, я сожалею, что была вынуждена побеспокоить тебя при таких обстоятельствах.

— Всё было слишком уж хорошо, — произнесла Кэррот, печально прижимая ушки к голове. — Я знала, что счастье не может длиться вечно.

— Понимаю, — сказала мятная единорожка, заходя в дом и усаживаясь на диване. — Надеюсь, у меня получится разрешить проблему.

— Кэррот, кто там пришёл? — спросила Бэрри Пунш, входя в комнату вместе со льдисто-голубой единорожкой, которая при виде человека в красной мантии намочила ковёр у себя под копытами.

— Имоджен Ли, я так полагаю? — спросила со своего места Лира. — Лучше не пытайся бежать, это только всё усугубит.

Вопреки ожиданиям, льдистая единорожка и не подумала предпринять безнадёжную попытку к бегству. Она замерла, словно поражённая петрификусом, и её заколотила крупная дрожь.

— П-п-прошу, — всхлипнула она. — Просто у-убейте меня. Но не отправляйте обратно с ними.

Слова Имоджен заставили всех пони в комнате побледнеть. Даже стойкие стражники — и те не смогли сохранить привычную маску невозмутимости, шокированные подобным предложением. Однако на людей её реплика, похоже, не произвела никакого впечатления.

— Ты это заслужила, — фыркнул аврор.

— Стоп-стоп-стоп, — замахала передними копытами немного пришедшая в себя Лира. — Я не думаю, что нам нужно поступать так радикально. До тех пор, пока не будет решена проблема с Азкабаном, вопрос экстрадиции бывших людей даже не рассматривается. Шепард[1], — ткнула она копытом в сторону человека, — присутствует здесь из вежливости.

От её слов Имоджен немного расслабилась и прекратила лязгать зубами.

— И что теперь со мной будет? — с нескрываемым страхом спросила она.

Шепард взмахнул палочкой, избавляясь от лужи под её копытами, затем повернулся к Лире.

— Лучше бы вы отправили преступницу вместе с нами, — сказал он. — Правосудие должно свершиться.

Льдистая единорожка испуганно отпрянула — и тут же замерла, увидев, что Шепард направил палочку в её сторону.

— Всепони, успокойтесь! Имоджен, — сказала Лира, сделав приглашающий жест копытом в сторону одного из кресел, — будь добра, присядь, чтобы мы могли обсудить, как нам лучше поступить.

Не сводя настороженного взгляда с наставленной на неё палочки, льдистая единорожка подошла и уселась на предложенное место.

— Я полностью в вашей власти, — угрюмо сказала она.

— Итак, — кивнув, начала Лира, — Селестия однозначно заявила, что даже не рассматривает твою высылку из Эквестрии: во-первых, ты не пони, а во-вторых, ты, технически, уже и так добровольно оказалась в изгнании. Тем не менее, если ты откажешься сотрудничать, у нас по-прежнему остаётся вариант с заключением в Тартар.

Обе — и Кэррот Топ, и Берри Пунш, услышав заявление мятной единорожки, резко втянули воздух сквозь сжатые зубы и с ужасом посмотрели на Имоджен Ли.

— Однако, — продолжила Лира, — поскольку ты ведьма, Селестия предложила мне принять у тебя специально составленную клятву твоей жизнью и магией. Если ты поклянёшься, что не станешь угрозой для пони, принцесса даст тебе шанс искупить свои преступления.

Имоджен рассмеялась, вот только в её смехе не было ни капли радости или веселья, лишь горечь.

— Я хоть твоим личным туалетом стану, лишь бы не встречаться снова с дементорами, — заявила она. — Я дам любую клятву, какая только вам нужна.

Лира ошарашенно вытаращилась на льдистую единорожку шокированная как её словами, так и тем, что переговоры пройдут так легко.

— Разве ты не хочешь узнать, какую клятву должна принести? — спросила она.

— Моя жизнь в прямом смысле находится в твоих руках, — невесело усмехнулась Имоджен. — Пойми, есть участь страшнее смерти, и я её испытала на себе.

— У меня сейчас нет рук, — заметила Лира.

— В любом случае я только рада забыть свою прошлую жизнь и начать всё с начала, — сказала льдистая единорожка, до конца ещё не веря тому, как удачно всё сложилось.

Если бы кто-нибудь пожелал поинтересоваться, Эрратик Каверейдж признался бы, что искренне любит свою работу за то, что помогает честным пони оставаться честными. У Каверейджа на его посту главного страхового аудитора Эквестрии не проходило ни дня, чтобы он не обнаружил чей-то слегка отредактированный отчёт, в котором чудесным образом подверглись порче восемнадцать мешков зерна вместо фактических шестнадцати. К счастью, с его стороны было достаточно лишь слегка подтолкнуть этих немного обсчитавшихся пони, чтобы вернуть их на путь праведный.

Ещё больше ему нравились сложные и запутанные случаи, в которых нелегко доказать правду. Каверейдж был истинно убеждён, что в результате случившихся в частных домах пожаров было утрачено больше бесценных семейных полотен, чем их было нарисовано за последние сотню лет. Он до сих пор с теплотой вспоминал, как однажды, используя официально опубликованную в газетах статистику, смог доказать, что сумма иска за уничтоженную партию капусты превышает стоимость всего урожая округа за сезон.

Текущий случай, однако, стал настоящим оскорблением для его чувства прекрасного. Каверейдж искренне верил в изначальную доброту и порядочность понячества, но также прекрасно знал, что на любое правило есть исключения. Попавшее в его копыта дело выглядело настолько вопиющим мошенничеством, что, едва ознакомившись с содержимым исковых заявлений, он решил немедленно забронировать место на ближайшем поезде до Понивилля. Конечно же, ему не доставит никакого удовольствия разбираться со столь наглой и явно проворовавшейся чиновницей, попытавшейся прикрыть свой круп страховкой, однако Каверейдж хотел сделать так, чтобы её наказание стало показательным примером для всех, кто в будущем осмелится быть таким же наглым.

Едва прибыв в этот небольшой сельский городок, Каверейдж направился напрямик к местному отделению стражи, где обратился к дежурному, протянув тому стопку документов:

— Добрый день, сержант. Взгляните на эти заявления.

Дежурный взял магией бумаги и быстро их пролистал.

— Сегодня вторник, — наконец сказал стражник, возвращая документы. — Хотите поговорить напрямую с мэром?

— Нет, — ответил Эрратик с нескрываемым разочарованием. — Я хочу, чтобы вы пошли со мной и арестовали мэра за страховое мошенничество.

— Вы же знаете, что это Понивилль, так? — спокойно спросил сержант.

— И какое это имеет отношение к делу? — выпалил аудитор, недовольно прищурившись. — Эти бумаги — неопровержимые доказательства преступления. Если только страже в вашем лице нечего добавить.

Сержант отрицательно покачал головой.

— Рядовая Красотка[2], — сказал он, — проводи этого уважаемого жеребца к госпоже Мэр.

— Есть! — отсалютовала молодая стражница и повернулась к посетителю. — Следуйте за мной.

— Здесь явно должно быть что-то ещё, — пробормотал себе под нос идущий по улице вслед за рядовой Каверейдж, при этом снова просматривая документы. — Уверен, я просмотрел все мои...

— А-А-А-А-А!!! — раздался рядом жеребячий крик.

Оторвав взгляд от стопки бумаг, Эрратик обнаружил немного впереди перевёрнутую телегу, содержимое которой рассыпалось по улице. Из кучи продуктов торчал круп и задние ноги пегого жеребёнка. С трудом удержавшись, чтобы не поморщиться, аудитор невольно задался вопросом, кто вообще додумался по такому морозу перевозить продукты в открытой повозке.

— Моя капуста! — раздался сбоку крик жеребца.

— Простите, господин Колсла[3], — раздался жеребячий голос с явным троттингемским акцентом. — Это сложнее, чем казалось на первый взгляд.

Владелец телеги только вздохнул смирясь.

— Ты в порядке, Пипсквик? — спросил он.

— В полном! — уверенно отозвался жеребёнок. — Я об капусту нормально затормозил.

Владелец телеги снова вздохнул.

— Твоя метла вон там, — указал он копытом.

Эрратик мысленно вздохнул, оглядел воцарившийся вокруг бардак, а затем пробежал взглядом по краткой выжимке из первого заявления.

— Вы всё ещё хотите поговорить с мэром? — поинтересовалась сопровождавшая его стражница.

— Естественно, — раздражённо ответил аудитор. — С чего бы я стал отказываться?

Вместо ответа стражница только покачала головой и, махнув копытом, вновь зашагала по улице. Фыркнув, жеребец последовал за ней.

Каверейдж всё ещё раздражённо бормотал себе под нос, когда они наконец достигли мэрии.

— Здравствуйте. Чем могу помочь? — спросила пожилая бежевая кобыла с седой гривой, оторвав взгляд от документов у себя на столе.

— Я — Эрратик Каверейдж, представитель страховой компании «Фермерская страховка». Я здесь для того, чтобы обсудить ряд происшествий, фигурирующих в ваших последних заявлениях.

— Не ожидала такой быстрой реакции от вас, — ответила мэр. — Благодарю за оперативный ответ. Я ожидала визита из вашей компании не раньше следующей недели.

— Да как мы могли не отреагировать? — с трудом удержался от того, чтобы фыркнуть Каверейдж. — Вы подали нам пятнадцать заявлений подряд по пятнадцати отдельным происшествиям. Причём все они практически идентичны.

— Так и есть, — со вздохом кивнула мэр, — очень уж неудачная выдалась неделя...

— Вы думаете, я поверю, что у вас случилось аж пятнадцать страховых случаев? — вспыхнул Эрратик.

— Это только те, которые сопровождались заметным ущербом, — спокойно ответила мэр.

— Хотите сказать, что у вас тут за неделю случилось больше происшествий, чем в Мейнхэттене за квартал?! — выпалил аудитор.

— Да, — сказала кобыла. — В наших отчётах всё отражено. И я очень рада, что особые положения договора для нашего города позволяют считать их страховыми случаями.

— И вы думаете, я поверю, что пятнадцать происшествий по вине летунов могут причинить такой большой ущерб?! — Эрратик уже едва сдерживался, чтобы не заорать.

— Как я уже сказала, это только те случаи, которые сопровождались достаточно крупным ущербом.

— Чушь! — рявкнул аудитор. — И не думайте, что я не заметил того, как вы утверждаете, что все эти происшествия случились по вине летающих земных пони! Земных! Это ваши слова!

— Э-эм, тут такое дело...

Однако договорить Мэр не дал громкий звон бьющегося стекла и размытое коричневое пятно, которое пронеслось по её кабинету и врезалось в дальнюю стену.

— А-а-ауч! — простонал спустя секунду лежащий на полу коричневый жеребёнок-земнопони, обнимающий метлу.

— Баттон Мэш! — воскликнула мэр. — Ты, конечно, появился аккурат вовремя, только как ты?.. — бежевая кобыла бросила взгляд на висящий на стене календарь и вздохнула. — А, точно, сегодня же вторник. И как я могла об этом забыть?

— Хе-хе, здравствуйте, госпожа Мэр, — отозвался с пола жеребёнок.

— Мы же вам всем сказали, что тренироваться следует на поле к северу от города! — строго отчитала жеребёнка бежевая кобыла.

— Прости-ите, — поморщившись, прижал к голове уши Баттон Мэш. — Просто моя метла решила от меня сбежать.

— А я только недавно заменила это окно! — взвыла волком мэр.

— Прости-ите, — повторил Баттон.

— Ха, кривоногий неудачник, — воскликнул кто-то сбоку.

Обернувшись на крик, Эрратик обнаружил парящую в воздухе за ныне пустующей оконной рамой жеребёнку, чью голову украшала изящная тиара. Жеребёнка сидела на чём-то, похожем на немного вычурную метлу, а ещё у неё явно отсутствовали как крылья, так и рог.

— Эй! — возмутился коричневый жеребёнок. — Я не...

— Берегись! — раздался крик другой жеребёнки, не давая Баттону договорить.

В следующее мгновение в висящую за окном носительницу тиары врезалась размытая сиреневая полоса, сшибая ту в сторону и улетая вместе с ней в закат. Три секунды спустя раздался грохот и звон чего-то бьющегося.

— Не могу отрицать, что она это заслужила, — пробормотала мэр.

— Мне казалось, эти штуки не должны летать быстрее лёгкой рыси, — заметила рядовая, о присутствии которой Эрратик уже и позабыть успел.

— Как и взлетать выше двадцати копыт, — вздохнула бежевая земная пони. — Ну, вы сами только что видели, как эти ограничения работают.

— Эти штуковины — расисты, — пожаловался Баттон Мэш, наконец-то поднимаясь на копыта.
— Сильвер Спун метла вообще утопить пыталась.

— Что?! — вскричала мэр. — Она что, упала в пруд?

— Не-е, метла её в дождевую бочку скинула, — поправил кобылу жеребёнок.

— Она врезалась в дождевую бочку? — предприняла вторую попытку докопаться до правды мэр.

— Да нет же, — помотал головой Баттон. — Она её туда стряхнула, та оттуда вынырнула, чтоб вздохнуть, а метла ей ещё и сверху ка-а-ак даст! И снова с головой макнула в воду.

— Да ты преувеличиваешь, — недовольно сказала бежевая кобыла.

— Неа, я это сам видел, — ответил коричневый жеребчик. — С другой стороны, как оказалось, эти веники прекрасно горят.

— Ой-ёй, — присвистнула рядовая. — А это не у неё была одна из самых дорогих мётел?

— Во-во, это вы правильно говорите — «была», — отозвался Баттон, поднимая с пола свою метлу. — Сильвер отправилась совой за новой. А заодно она зачем-то взяла с собой пару обгоревших обломков. Угрожать она ими будет, что ли?..

— Я уже начинаю жалеть, что Меткоискатели подарили жеребятam города те сорок тренировочных мётел, — заметила стражница. — Странно, что это всё не оплачивают из того самого фонда.

— А зачем это делать, если всё покроет страховка? — спросила мэр.

Выглянув в пустующий оконный проём, Эрратик Каверейдж отметил, что две столкнувшихся жеребёнки врезались в зеркальную витрину небольшого магазинчика двумя домами дальше по улице, естественно, расколов оную вдребезги.

— Такое впечатление, что у вас тут эпидемия летающих жеребят-земнопони, — выдохнул он.

— «Летающие» — это очень громко сказано, — отметила рядовая.

— Напомните-ка, что вы там говорили, господин Каверейдж? — усмехнувшись, сказала мэр.

— Кажется, мы слегка поторопились с выводами, — ответил Эрратик, с опаской отступая от окна. — Я выпишу вам чек.

— Спасибо, что выпустила нас из сумки, — поблагодарила Минуэтт Пинки Пай, пока Рейнбоу и Сириус поднимались с земли посреди улицы Понивилля и отряхивались.

— Не за что, Пинки, обращайся, — ответила Минуэтт. — Кто этот людской жеребец?

— Это Сириус[4], — отозвалась розовая земнопонька, радостно подпрыгивая на всех четырёх.

— Что? — испуганно отпрянула Минуэтт. — Что случилось? У нас ЧП? Насколько всё плохо по шкале вторников от одного до десяти?!

— Стоп-стоп-стоп! — замахала передними копытами Рейнбоу Дэш, вспорхнув с места и зависнув в воздухе. — Не нагнетай обстановку, пока всё опять не вышло из-под контроля. Его зовут Си-У-У-У-УФ!

Объяснить всё как положено Рейнбоу не дало размытое серое пятно, врезавшееся в неё сзади, отчего они оба врезались в стену ближайшего дома.

— Прости, Дэш, — извинилась Сильвер Спун, пока с трудом поднималась на копыта.

— О-о-о-о-ох, — простонала радужногривая пегаска, застыв по стойке «смирно».

— Дэши! — воскликнула Пинки. — Ты в порядке?!

Рейнбоу снова застонала.

— Знаешь, — продолжила Пинки Пай, — у тебя нет никаких причин держаться так натужно. Мы же все тут друзья!

— У меня метла торчит оттуда, куда не светит солнце! — едва удержалась чтобы не взвизгнуть радужногривая. — По-твоему, как ещё я могу выглядеть?

— Что ж, это предопределило первую очевидную цель нашего ознакомительного тура, — отметила розовая земная пони. — Отправляемся в больницу!

Среди служащих министерства было чересчур много чистокровных, получивших своё рабочее место и связанную с ним власть не естественным образом, через тяжкий труд, а противоестественным — исключительно благодаря «правильному» происхождению. Несмотря на неоднократные предупреждения о недопустимости дискриминации, они сочли нужным сделать всё, что в их силах, чтобы затормозить и отложить оформление документов, поданных обычным маглорожденным. И нужно обладать особым сортом высокомерия, чтобы проигнорировать оказываемую этому человеку поддержку со стороны министра. А ещё особым сортом тупости, чтобы этими своими действиями настолько разозлить «Грозного Глаза» Грюма. Тем не менее они раз за разом с упорством, достойным куда лучшего применения, напрашивались на практическое доказательство того, что свобода выбора отнюдь не означает свободу от последствий этого выбора.

Хоть здравомыслие в конце концов всё-таки победило, то, что должно было занять несколько минут, растянулось на часы. К немалому раздражению Грюма, за это время эффект выпитого женщиной успокоительного зелья уже закончился, вдобавок все вокруг встали на её сторону, когда она отказалась принять ещё одну порцию. К моменту, когда Грейнджеры наконец заполучили на руки документы, освобождающие их от всякой ответственности за любые запрещённые предметы, которые могли находиться в семейном хранилище Лестрейнджей, уже почти настало время обеда.

Ещё больше ему настроение испортили многоголосые крики ужаса, доносившиеся из движущейся впереди вагонетки, пока они мчались по рельсам к хранилищу. А уж услышанный

Грюмом по прибытии на место разговор заставил его нахмуриться.

— В этом мире есть хоть что-нибудь, что может двигаться со скоростью, хоть немного меньшей чем «А-А-А СЕЛЕСТИЯ СПАСИ МЫ ВСЕ УМРЁМ!!!»?! — пожаловался Спайк, выбираясь из вагонетки, которую делил с Твайлайт, Гермионой, Дэном и Эммой.

— Согласно официальной шкале острых ощущений аттракционов-горок, это едва дотягивает до уровня «Мамочка, поддержи меня за копыто», — отметила Твайлайт, следуя за ним.

— Знаешь, то, за что меня со всей дури ухватила Гермиона, было совсем не копытом! — возразил Спайк.

Грюм выскочил из своей вагонетки и направился к цели, торопливый стук его деревянной ноги тут же вызвал дробное эхо, отправившееся гулять по огромной пещере.

— Что ж, теперь, когда мы здесь, готовые перерезать красную ленточку... — и старый аврор кивнул в сторону всё ещё запертого хранилища.

— Полагаю, сейчас мой выход, — раздался словно отовсюду и из ниоткуда одновременно знакомый голос.

— Мистер Дискорд? — с надеждой спросила Гермиона.

— Кавабанга!

Вся толпа обернулась на голос и обнаружила мужчину в эдвардианском купальнике[5] в весёлую красно-белую полоску, скользящего по рельсам на оливковой с красной отделкой доске для сёрфинга. Подскочив на набежавшей из ниоткуда морской волне, мужчина лихо крутанулся на доске в воздухе, а затем приземлился прямо в первую вагонетку. Волна тут же испарилась, словно её и не было.

Двое гоблинов, сопровождавших их группу, злобно уставились на вторженца.

— По-моему, ваши отсылки между собой не сочетаются, — захихикала Эмма.

— Вам понравилось? — спросил Дискорд, спрыгивая с доски, которая спустя мгновение с хлопком исчезла в облаке дыма.

— Нет, — раздался голос Алисы из-за спин тарачившейся на мужчину толпы. — Не понравилось. И чтоб больше я это на тебе не видела, а то будешь спать на диване.

— Нет, ну что угрожать-то сразу?.. — обиженно пробормотал Дискорд, пока все остальные в едином порыве повернулись к неизвестно откуда взявшейся нынешней главе рода Блэк.

— Он вас научил своему методу аппарации, так? — недовольно проворчал Грюм.

— Просто наша родовая магия, — пренебрежительно ответила Алиса, разведя руками.

— Что ж, как пожелаешь, моя дорогая, — сказал Дискорд. — У меня как раз есть отличный наряд, который я до смерти хотел тебе продемонстрировать.

Мужчина щёлкнул пальцами — и в небольшой вспышке, сопровождавшейся отчётливым хлопком, на нём, сменяя купальник, появились белые шаровары и того же цвета чалма. Непропорционально могучие мускулы груди и плеч, оказавшиеся у всех на виду из-за отсутствия на торсе какой-либо одежды, делали Дискорда похожим на жертву передозировки стероидов.

— Нет. Просто — нет.

С этими словами Алиса также щёлкнула пальцами — и мужчина оказался одет в классический твидовый костюм-тройку, который вполне уместно смотрелся бы на профессоре из Оксфорда.

— Не расстраивайся, — с сочувствием обратился к нему Дэн. — Эмма тоже постоянно выбирает наряды за меня.

— Потому что твоим чувством стиля можно врагов пытать, — прокомментировала слова брата Грейс, критически оглядывая внешний вид Дискорда. — Что ж, она хотя бы знает, как правильно одеть своего мужчину.

— И почему это ты здесь, Дискорд? — поинтересовалась Твайлайт, с подозрением уставившись на мужчину.

— Ох, моя дорогая, — ответил он. — Я, как и ты, получил приглашение на это весьма интересное мероприятие. Кто знает, какие чудесные и ужасные открытия ждут нас за той дверью?

— Ты больше не сожжёшь ни одной книги! — заявила Гермиона, также прищурившись.

— Такие мысли даже близко не собрались посетить мою голову, — отозвался Дискорд, тем не менее на всякий случай призвав чёртову дюжину огнетушителей, которые зависли вокруг Твайлайт, целясь раструбами прямо в неё.

— Думаю, Алиса удержит его на коротком поводке, — успокаивающе сказала Эмма. — Хотя,

если мы найдём что-то не очень хорошее, сожжение пары-тройки книг, возможно, будет не самой худшей идеей.

— Эмма, и ты туда же! — простонала Твайлайт.

— Вообще-то я с вами не остаюсь, — возразила Алиса. — Мы с Флаттершай договорились сегодня после обеда ещё раз пробежаться по магазинам перед праздником. Я просто заскочила поздороваться.

— Не нужно нас сторониться, мы всегда рады тебя видеть, — сказал Дэн. — Передавай Флаттершай от нас привет.

— Обязательно. Увидимся.

И, щёлкнув пальцами, Алиса исчезла.

— Ну замечательно, — проворчала Твайлайт. — Их теперь двое.

Пара гоблинов переглянулась между собой, очевидно, подумав то же самое.

— Ну, мы покончили с задержками? — грубо спросил Грюм.

— Несомненно, — сказал Дискорд, щёлкнув кнутом и едва не сбив им лихо сидевшую у него на голове фетровую шляпу. Его наряд при этом сменился на кожаную лётную куртку и брюки цвета хаки. — Вперёд!

— Не то, чтобы я не оценила твой новый наряд и то, что он символизирует, — прокомментировала новый облик мужчины Эмма, — но, думаю, тебе лучше вернуться к выбранному Алисой варианту. Сомневаюсь, что мы здесь найдём ковчег или грааль.

Хмыкнув, Дискорд снова щёлкнул пальцами.

Тем временем один из гоблинов забрал у Эммы ключ и открыл хранилище. Все присутствующие здесь, не считая гоблинов (и Дискорда), с благоговением уставились на кучи золотых монет и прочих ценностей.

— Ла-а-адно, — протянула Грейс. — Теперь меня уже не так гложет совесть из-за того, что вы заплатили за обучение Гектора.

— Да уж, одно дело — видеть цифры на бумаге, и совсем другое — увидеть всё это вживую, — заметила Эмма.

— Отлично, — сказал Дискорд, сделав несколько шагов вперёд, дабы возглавить шествие. — Все заходим внутрь, — объявил мужчина, на ходу окидывая взглядом содержимое хранилища — и замер прямо посреди шага, — ...и выходим обратно.

— Чего? — в недоумении переспросили несколько голосов.

— На выход. Выходим. Кыш-кыш-кыш, — повторил Дискорд, раскинув в стороны руки, чтобы не дать идущим за ним прорваться вперёд, и отступая от хранилища.

Спорить с ним никто не стал, все молча отошли от входа.

— Что ты там увидел? — спросил Грюм уже с палочкой в руке.

— Та чаша на постаменте, — указал маг.

Палочка Грюма тут же заплясала, выписывая вензеля диагностических чар, одновременно с этим магический инструмент Твайлайт засветился, поскольку она также стала сканировать чашу.

— Миссис Грейнджер, — наконец сказал старый аврор тоном, не терпящим возражений, — отведите детей и невестку обратно в Косой переулок.

— Пойдёмте, дети, — тут же стала подталкивать табунок детей к тележкам Эмма. — Возьмём себе по мороженому.

— Вообще-то, мэм, ваш муж — всего лишь регент Рода, — сказал один из гоблинов. — В таких случаях рекомендуется, чтобы присутствовал носитель крови Рода.

— Грейс, сделаешь одолжение? — спросила Эмма, поворачиваясь к сестре своего мужа.

— Тебе вообще нужно спрашивать? — вопросом на вопрос ответила та, беря шефство над табунком.

— Насколько всё плохо? — спросил Дэн, как только тележка с детьми и его сестрой уехала.

— Это самая худшая, самая темнейшая магия, — поморщился Грюм. — Слов не хватает, чтобы описать эту мерзость.

— На самом деле, — вклинилась Твайлайт, — какой бы плохой эта магия ни была, я уже знаю эту магическую сигнатуру, и у меня дома имеются средства, способные с лёгкостью блокировать всё, что оно может против нас применить.

— Как только мы с этим разберёмся, я бы хотел услышать связанную с этим историю, — с нажимом сказал старый аврор.

— Ну, почему бы и нет? — вздохнула Твайлайт. — Я уже раз спала на диване за то, что сразу не рассказала её. Но сначала мне надо слетать домой за кристаллами, которые лежат у меня на кухне в миске, чтобы... — Щёлк! — О, благодарю, Дискорд. Что ж, теперь мне остаётся лишь пролевитировать их к чаше, и худшая часть будет нейтрализована.

Она взмахнула палочкой — и прозрачный кристалл размером с мячик для пинг-понга, окутавшись тёмно-розовой аурой, взмыл в воздух и подлетел к так и стоявшей на постаменте чаше.

— И сколько нам ждать, пока оно подействует? — поинтересовался Дэн.

Внезапно чаша оглушительно заорала.

— Можете не отвечать, — добавил мистер Грейнджер.

— Всем не двигаться! — скомандовал Дискорд, опуская на лицо сварочную маску, и, держа в руке пару литейных щипцов, стал подходить к визжащему артефакту.

— Она уже должна стать безопасной, — произнесла Твайлайт, перекрывая вопли обсуждаемого предмета.

— Дорогая моя, в отношении предметов, так и норовящих захватить саму твою суть, излишних мер предосторожности не бывает, — ответил мужчина, поднимая чашу щипцами.

Щелчок пальцев — и перед ним раскрылся портал. Дискорд, не промедлив ни мгновения, зашвырнул в портал и чашу, и щипцы, и даже сварочную маску, затем щёлкнул пальцами ещё раз, и межмировой разлом пропал.

— Куда ты её отправил?! — требовательно спросил Грюм.

— В одну не населённую вселенную, где нет понятия движения, и потому ничего не двигается, — ответил Дискорд. — Больше никто не сможет её вернуть.

— И что мешает кому-нибудь послать за ней сову? — возразил аврор.

— Даже у самых выносливых сов есть ограничения в том, как далеко они смогут долететь, даже между мирами, — пояснил мужчина.

— Насколько я помню, неподалёку от Гринготтса находится магазин сов, которые за час могут долететь куда угодно, — продолжал напирать Грюм.

— А, точно, я понял, в чём состоит твоё заблуждение, — хмыкнул Дискорд. — Ты думаешь о том, как далеко оттуда досюда, совершенно забывая о расстоянии отсюда до чаши.

— Которая лежит прямо по ту сторону твоего портала, — фыркнул Грюм.

— Я разве не говорил, что в той вселенной ничего не двигается? — отметил Дискорд.

— Ого! Это же гениально! — воскликнула догадавшаяся первой Твайлайт.

— Что-то я так и не пойму, к чему ты клонишь, — сказал аврор.

— Вы хоть представляете, насколько быстро наша планета движется вокруг солнца? — задала вопрос Эмма. — Или с какой скоростью вращается галактика?

— И это, не считая общую скорость расширения нашей вселенной, — подхватил Дэн.

— Уже сейчас чаша находится дальше, чем совы смогут пролететь даже за тысячу жизней, — закончила Твайлайт. — И это не учитывая необходимости ещё и вернуться потом.

— Короче говоря, чашу фактически можно считать уничтоженной, — добавил мистер Грейнджер.

— Это не совсем верно, — поправил его Дискорд, чем привлёк к себе внимание всех присутствующих. — В ней находится осколок души. Значит, где-то есть и другой осколок, связанный с первым. И рано или поздно, когда душу, связанную с осколком, больше ничего не будет удерживать на этом плане бытия, её в конце концов засосёт в то измерение. А во всех остальных смыслах — да, чаша была успешно уничтожена.

— Я знаю, чья это была душа, — мрачно заявила Твайлайт.

— О-о? И чья же? — любопытствовал Дискорд.

— Волдеморта.

[1] Забавно, но «shepherd» переводится как «пастух». Маги явно знали, кого подсылать к пони. Хотя есть и вариант перевода «собака на сене» — ни себе, ни людям...

[2] Чисто англоязычная пошлая шутка, непереводаемая на русский язык. С англ. «private parts» — один из допустимых в приличном обществе эвфемизмов половых органов и переводится примерно как «причиндалы». Т.е. написанное буквально можно перевести как «Рядовой Писькин» или «Рядовая Пиздулина». Однако писать такое прямо в тексте — не комильфо. А что-то вроде «Рядовая Причиндалова», вот уж действительно, выглядит совсем уж громоздко.

[3] «Coleslaw» — букв. «капустный салат».

[4] Да-да, всё та же непереводаемая шуточка про созвучность слов «Сириус» и «серьёзный».

[5] Примерно такой:

<https://manrule.ru/images/article/orig/2019/09/muzhskie-kupalniki-vidy-i-sovety-po-vyboru-10.jpg>
или <https://mtdata.ru/u21/photoB695/20124853486-0/original.jpg>.

<http://tl.rulate.ru/book/28591/2479165>